

ВОПРОСЫ СОВЕТИЗАЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И РУССКОЙ ОРИЕНТАЦИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ВАГАНА ТЕКЕЯНА 1920–1945 гг.

Статья посвящена анализу публицистической деятельности западноармянского национального деятеля, писателя и публициста Вагана Текеяна в 1920–1945 гг. в контексте советизации Армении и русской ориентации. В статье предпринята попытка обосновать, что публицистика Текеяна, динамично переходя от романтизма к реализму, развивалась вокруг идейных осей и дилемм сохранения национальной государственности и спасения Родины. Анализируется, как Текеян оценивает опыт Первой Республики Армении в условиях сложной и противоречивой геополитической ситуации, а также каким образом он видит влияние советизации Первой Республики на перспективы освобождения Западной Армении. Статья раскрывает изменения в восприятии образа и роли России в западноармянском мышлении и роль западноармянской либерально-демократической прессы в этом процессе.

Ключевые слова: Ваган Текеян, публичные выступления, диаспора, армянская идентичность, советизация Армении, русская ориентация, политическая мысль.

Медиа армянской диаспоры сыграли ключевую роль в формировании и трансформации гибридной идентичности армян, проживающих за пределами исторической родины. Как отмечает Ольга Бейли, «медиа не только представляют идентичность, но и способствуют её переосмыслению»: выполняют функцию воспроизводства памяти, чувства принадлежности и социальных связей¹, что приобретает особую значимость в условиях диаспоры, где критически важными становятся процессы самосохранения и обновления национального самосознания. Т. Хоффман выделяет в теоретическом анализе армянской идентичности такие ключевые компоненты: язык, религию, культуру, память о геноциде, идею государственности². Эти элементы на протяжении десятилетий составляли содержательную основу диаспорной публицистики, которая представляла собой не только форму выражения национальной мысли, но и важнейший инструмент формирования самосознания, мобилизации и политического участия армянского сообщества в условиях рассеяния.

Одной из отличительных черт публицистики является её способность к непосредственной интерпретации политической реальности, в рамках которой индивид осмысливается преимущественно как часть социального целого³. В этом контексте публицистика оказывает непосредственное воздействие на общественные отношения и массовое сознание⁴, стремясь трансформировать восприятие окружающего мира, социума и национальной принадлежности. В случае армянской диаспоры речь идёт о формировании представлений этнических армян, проживающих в условиях культурной и политической инаковости. В таком ракурсе диаспорные армянские публицисты выступают не только как

¹ Bailey 2013: 69.

² Hofmann 2011: 13.

³ Черепанов 1973: 28.

⁴ Осипова 2022: 206.

комментаторы происходящего, но и как субъекты формирования национально-политической повестки, выполняющие функцию идейного лидерства. Одним из ярчайших представителей этого слоя интеллектуалов является армянский писатель, публицист, политический и национальный деятель Ваган Текеян (1878–1945), в личности которого выразилась вся трагичность и идейная напряжённость исторического перехода от XIX к XX в. – переломного периода в судьбе армянского народа.

Литературное наследие В. Текеяна привлекало внимание множества литературоведов, однако его многослойное публицистическое творчество до сих пор не подверглось всестороннему исследованию с точки зрения политических, идеологических и арменоведческих характеристик. Одним из препятствий для такой научной реконструкции является тот факт, что в течение более чем сорокалетней творческой деятельности В. Текеян публиковал свои статьи в армянских газетах и журналах различных стран под множеством псевдонимов⁵. Публицистика Текеяна актуальна также потому, что она представляет собой важный инструмент для понимания причинно-следственных связей, лежащих в основе как внутривидовых, так и общепармянских процессов принятия решений в период с 1895 по 1945 гг., а особенно для изучения позиций национально-либеральных течений (реорганизованные гнчаки, конституционные рамкаварские группы, Рамкавар⁶-Либеральная партия⁷) по вопросам, имевшим общепармянское значение. Настоящая статья имеет целью исследовать публицистические интерпретации Текеяна, касающиеся периода советизации и постсоветизации Армении (1920–1945), а также проанализировать, каким образом эти интерпретации воплощались в реальной политике. Исходя из этого, ставятся следующие задачи:

1. На основе сопоставления текстов Текеяна с другими источниками проанализировать историко-социальный контекст восприятия процесса советизации Армении и позиционирования по отношению к России.

2. Путём комплексного анализа его статей, редакционных материалов и публичных выступлений выявить эволюцию позиций Текеяна и оценить общественное влияние его публицистического наследия.

3. Исследовать отражение идеологических конфликтов и внешне-политических ориентиров, связанных с советизацией Армении, в пуб-

⁵ Авагян 2018: 61.

⁶ Рамкавар — согласно «Толковому словарю армянского языка» (С. Малхасянц, Ереван, 1945), «Новому словарю армянского языка» (архиепископ Г. Череджян, П. К. Тоникян, А. Тер-Хачатурян, Бейрут, 1992), а также другим армянским толковым словарям, является синонимом слова «жоховрдавар» (демократ). Таким образом, выражение «Рамкавар-Либеральная партия» тождественно выражению «Демократическо-либеральная партия».

⁷ Реорганизованная Гнчакянская партия, или «Реорганизованные гнчакянцы», — армянская политическая партия, образованная в 1896 г. в результате раскола Социал-демократической гнчакянской партии. Отказавшись от идеи классовой борьбы, партия поставила перед собой задачу сосредоточиться исключительно на вопросе освобождения Западной Армении.

лицистике Текеяна, а также проанализировать степень его идейной последовательности в контексте этих дискуссий.

Проведен анализ редакционных статей и авторских публикаций Текеяна, размещённых в издававшихся под его редакцией периодических изданиях, в т.ч. «Жоговурди дзайн» («Շողովուրդի ձայն» – «Голос народа» (1918 – 1920, Константинополь) и «Арев» («Արև» – «Солнце», 1915 – поныне, Бейрут) за указанный период. Были изучены также другие рамкаварские издания, в которых публиковались статьи Текеяна, или на которые он оказывал значительное влияние, в частности «Жоговурди дзайн-жаманак» («Շողովուրդի ձայն-ժամանակ» – «Голос народа – Время», 1920–1924, Константинополь). С целью выявления специфики публицистического стиля и идейных акцентов автора материалы были рассмотрены в сопоставлении с публикациями периодических изданий преимущественно национально-либерального, а также левоидеологического направления. Речь идет в общей сложности о примерно 550 публикациях.

В качестве методологической основы исследования использованы методы контент-анализа, историко-системного подхода, документального анализа и сравнительного исследования.

Осторожность Вагана Текеяна по отношению к провозглашённой 28 мая 1918 г. независимой Республике Армения с середины 1920 г. начинает претерпевать изменения. Под прикрытием мнимых тактических успехов Национальной делегации под руководством Погоса Нубара-паша⁸ на проходящей в Париже мирной конференции после Первой мировой войны, Текеян сумел уловить сигналы затягивания решения «Армянского вопроса»⁹ со стороны стран-победительниц. В результате, хотя ранее пренебрежительное определение Республики Армения как «Арагатской карликовой республики»¹⁰ переосмыслиется и заменяется более ласковым эпитетом — «наша юная республика»¹¹, однако сомнения в её жизнеспособности и необходимости в данных границах на данном этапе продолжают сохраняться.

Начавшийся в конце 1919 и начале 1920 г. процесс международно-го признания Республики Армения вынудил всю армянскую диаспору серьёзно отнестись к «Ереванской республике»¹² и оценить её историче-

⁸ Армянский вопрос. Энциклопедия 1996: 15.

⁹ Армянский вопрос — обобщённое дипломатическое обозначение борьбы армянского народа за освобождение Западной Армении от османского владычества, за самоопределение и независимость западных армян, а также за восстановление собственной государственности на всей территории Исторической Армении. Армянский вопрос приобрёл международный характер особенно после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Дипломатическая история Армянского вопроса начинается с 16-й статьи Сан-Стефанского договора и 61-й статьи Берлинского трактата. Предполагалось достичь вышеуказанных целей с помощью российской, европейской, а после Первой мировой войны — и американской дипломатии.

¹⁰ Текеян 1918: 513, 1.

¹¹ Текеян 1919: 364, 1.

¹² Ереванская или Арагатская Республика — так политическая и интеллектуальная элита западных армян называла Республику Армения, стремясь избежать употребления самого названия «Армения», поскольку считала, что оно должно принадлежать

ское значение с точки зрения восстановления национальной государственности. Газета «Жоговурди дзайн», издававшаяся в Константинополе, одним из редакторов которой также был Вахан Текеян, с энтузиазмом писала в январе 1920 г.: ««Жоговурди дзайн» от всей души приветствует признание независимости Армении и поздравляет армянский народ, который после веков преследований и страданий наконец-то становится хозяином хотя бы части отечества, построенного его предками. Это первый шаг... Да здравствует новорождённая, любимая Армения, да здравствует полная, независимая, свободная Армения!»¹³.

Под эмоциональным влиянием факта международного признания в восприятии диаспоры Республика Армения начинает восприниматься не как фактор, дезавуирующий «армянский вопрос», а как его возможное решение. Так, например, выходящая в Константинополе продаشناковская газета «Чакадамарт» («Շախաճամարտ»-«Сражение» 1918–1924) именно Республике Армении приписывает роль фундамента в борьбе за национальные права: «Вот он — уплотнённый и несокрушимый якорь нашего самоопределения — Республика Армения. ... Сегодня мы обладаем государственным якорем, на основе которого можем требовать всего объема наших прав»¹⁴, — писала газета в те дни.

И несмотря на явный энтузиазм, проявляемый также рамкаваровской прессой по случаю признания Республики Армения, Ваган Текеян оставался более скептическим в оценке потенциала дальнейшей защиты независимости и особенно в контексте её влияния на решение проблемы Западной Армении. Уже после провозглашения Республики Армения в 1918 г. он, как редактор и публицист, занимал такую позицию, словно вовсе не замечает этого факта, продолжительно создавая информационный вакуум вокруг Республики.

Тем не менее, не имея возможности обойти тему международного признания, текеяновский скептицизм вынуждает его относиться к процессу не эмоционально, а прагматично — пытаться понять, чем может быть обусловлено начало международного признания «Арагатской республики» лишь через полтора года после провозглашения независимости, на фоне новых, значительных событий вокруг Южного Кавказа. И на фоне всеобщего энтузиазма в январе 1920 г. редакция «Арев», возглавляемая Текеяном, в своей передовой статье утверждает, что признание трёх де-факто независимых кавказских государств в последний момент обусловлено не заботой союзных держав, а политическим расчётом — созданием барьера против большевиков. Исходя из этого, газета считает крайне опасной наступательную или оборонительную политику против большевиков по подстрекательству союзников, так как, опираясь на горький опыт недавнего прошлого, нельзя доверять искренности и

исключительно Республике, которая должна была быть создана в Западной Армении, либо объединённому, независимому армянскому государству, возникающему в результате объединения Восточной и Западной Армении.

¹³ Жоговурди дзайн 1920: 393, 1.

¹⁴ Чакагамарт 1920: 358, 1.

последовательности сотрудничества со стороны союзных держав. В таких условиях газета ставит задачу прежде всего потребовать гарантий восстановления территориальной целостности Армении и обеспечения её экономической и коммуникационной безопасности: «...Необходимо потребовать немедленного окончательного захвата армянских земель вплоть до Средиземного моря армянскими и союзными войсками»¹⁵.

Очевидно, что Текеян при этом вовсе не считал реальным завоевание Объединённой Армении Антантой, а лишь подчёркивал, что только при наличии такой конкретной поддержки возможна обоснованная вовлечённость в антибольшевистские проекты союзников.

В этом смысле можно выделить несколько фундаментальных положений, характеризующих текеяновский рационализм в оценке международной обстановки и сущность его сомнений:

1. Недоверие к союзным державам, обусловленное, безусловно, намеренным затягиванием и проявлением девальвации вопроса о предоставлении независимости Западной Армении на Парижской и Лондонской конференциях.
2. Объективная оценка потенциала новообразованных независимых государств Южного Кавказа в противостоянии экспансии большевизма.
3. Акцент не на признании независимости Армении, а на её защите и гарантиях экономической и политической безопасности, что редакция «Арев» видит, как объединение двух частей Армении и выход к Средиземному морю через Киликию.
4. И наконец, как вывод — остаётся вне обсуждения ключевой вопрос: какими ресурсами возможно обеспечить жизнеспособность и безопасность будущей Объединённой Армении в случае её создания.

В любом случае взгляды Текеяна на Первую Республику Армения формировались не под влиянием сентиментальных представлений, как это было у многих его современников, а исходя из глубинного убеждения, что несмотря на формальное наличие суверенитета, Восточная Армения продолжает находиться под протекторатом северной империи — теперь уже большевистской России, что он считал более благоприятным и в каком-то смысле спасительным фактором для восточных армян. Это убеждение впоследствии существенно повлияло на формирование его взглядов относительно процесса советизации Армении. В этом плане, актуализация вопроса советизации Армении, начавшейся с 1920 г., в западноармянской публицистике имела два аспекта.

Первый связан с внутренней оценкой причин советизации Армении. С 1921 г. в публикациях усиливается критика властей Первой Республики, обвиняемых в утрате суверенитета за «ужасные ошибки». Эта критика сводилась к неудачам в управлении государственными институтами, особенно вооружёнными силами, неспособности противостоять вторгшейся турецкой армии и организовать защиту Карса. Позже добавилась критика за недостаточную гибкость в дипломатии и за то, что руководство не передал власть большевикам хотя бы до подписания Александропольского договора, чтобы избежать территориальных по-

¹⁵ Налбандян 1920: 724, 1.

ть. «...Однако перед Карсом, помимо моральной и физической несостоятельности нашей армии, стало очевидно, что правительство также было банкротом и несет ответственность за все настоящие и будущие неудачи... При этих условиях, если бы большевиков не было на границах Армении, необходимо было создать такую организацию, чтобы облегчить это состояние рабства»¹⁶, — пишет «Жоговурди дзайн-Жаманак» в октябре 1921 г. В политических дебатах ответственность армянского правительства за утрату независимости считалась более значимой, чем одновременные агрессии армии кемалистской Турции и большевиков против Армянской Республики. Почти не рассматривались вопросы о потенциале сопротивления Армении в таких условиях, учитывая её ресурсы и внутренние проблемы. Одновременно, однако, возложение ответственности за утрату независимости на Дашнакцутюн имело в первую очередь межпартийный подтекст. Обзор западноармянской публицистики тех лет показывает, что советизация Армении в недашнакцутюнской, особенно в рамкаварской прессе, в целом рассматривалась как само собой разумеющееся и неизбежное явление: «Молоты кемалистов заставили Армению принять форму большевистского сала. Это не должно удивить никого»¹⁷. В декабре 1920 г. газета «Жоговурди дзайн-Жаманак» сообщила: «Сегодня Армения советская и связана с Россией. Армянский народ не имел другого пути для спасения своего физического существования, кроме как примириться с реальностью»¹⁸.

Этот взгляд выявляет важный мыслительный слой, характерный для западноармянской общественности того времени: безосновательная внутренняя уверенность или ожидание, что большевизм как система и идеология не сможет укорениться в Армении. Проблема рассматривалась не в контексте упадка армянской государственности или утраты суверенитета, а как простая смена власти при посредничестве России. «...Родина большевизма не настолько наивна, чтобы ожидать от нас превращения в убежденных большевиков... Ее достаточно моральной выгоды от спасения Армении от уничтожения сегодня и удовлетворения от некоторого продвижения для ее будущих программ»¹⁹. Иными словами, представление о «моральной выгоде», которое Текеян в 1917 г. приписывал западным странам, в начале 1920-х гг. в контексте «русской дружбы» и «турецкой вражды» уже ожидалось от большевистской России с убеждением, что большевики проводят политику в отношении Закавказья не из прагматичных политических соображений, а из благой миссии спасения закавказских народов, включая армянский элемент, от уничтожения их государственной идентичности. Западноармянская политическая мысль (за исключением Дашнакцутюн) выстраивает образ России как спасителя Восточной Армении с таким же энтузиазмом, как это было в 1917–1918 гг. в отношении стран Антанты.

¹⁶ Дшхоян 1921: 928, 1.

¹⁷ Там же: 1.

¹⁸ Акобян 1920: 679, 1.

¹⁹ Жоговурди дзайн-Жаманак 1920: 665, 2.

Неудивительно, что в западноармянской публицистике, особенно среди рамкаваров, договоры между большевиками и кемалистами, такие как Московское соглашение 16 марта 1921 г. и Карсский договор 13 октября 1921 г., подвергались критике исключительно с точки зрения турецких империалистических устремлений, явно обходя молчанием роль большевиков и минимизируя ее вклад в утрату значительных территорий Восточной Армении²⁰. Например, характеризуя Карсский договор как легитимацию турецких завоевательных стремлений, «Жоговурди дзайн-Жаманак» описывает мотивацию большевиков как миролюбивую: «...стремясь не к завоевательным устремлениям, а к реальной политикой создать минимальные условия для жизни своего народа, установить искренние и добрые отношения с соседями и изгнать кошмар крови из пределов своей страны»²¹.

Формирование этих взглядов в рамках Рамкавар, в котором непосредственно участвовал Текеян как один из самых влиятельных лидеров Рамкаварской либеральной партии, исходило из беспокойства о физическом спасении армян восточной части и гарантиях сохранения армянской сущности Советской Армении. Именно поэтому Текеян в 1921 г. оказал особое внимание великому армянскому писателю, одному из величайших представителей армянской литературы, Оганнесу Туманяну, который посетил Константинополь. Хотя Туманян прибыл в Константинополь в качестве председателя Комитета армянской помощи с целью организации сбора средств для Советской Армении, находившейся в крайне тяжелом положении, скрытой целью великого писателя было наладить взаимопонимание между интеллигенцией Восточной и Западной Армении и достичь единой позиции в отношении Советской Армении.

По словам специалиста по армянской диаспоре К. Даллакяна, в ходе визита Туманяна, по его рекомендации и усилиями Текеяна «впервые в истории диаспоры был подписан общий документ, призывающий забыть все политические и идеологические разногласия, когда на повестке дня встает вопрос о судьбе Армении и армянского народа»²². К. Даллакян не уточняет, о каком именно документе идет речь, но отмечает, что удалось добиться подписания всех армянских партий.

В. Текеян принимал активное и непосредственное участие в этой миссии Туманяна, не только как писатель, разделявший с ним интеллектуальный ландшафт, но и как политический и общественный деятель, который в Константинополе имел серьезный авторитет как один из лидеров Рамкаварской либеральной партии. Партия оказала Туманяну высший прием, организовав в его честь литературно-культурное мероприятие, которое также возглавил Текеян. Это была не только дань уважения Туманяну и Советской Армении, но и значимый жест в ответ на идеалы интеллектуального единства армян вокруг Армении, выраженные в идеях Туманяна. Следуя той же логике, с целью создания эффек-

²⁰ Жоговурди дзайн-Жаманак 1921: 750, 2.

²¹ Жоговурди дзайн-Жаманак 1921: 937, 2.

²² Даллакян 2004: 37.

тивной платформы для диалога между западноармянскими и восточноармянскими деятелями искусства, по предложению Гуманяна, Текеян приступает к созданию Армянского дома искусства в Константинополе и лично принимает на себя должность секретаря (մտնմիւսիւթն) Центрального совета этого учреждения²³. Конечно, эти идеи не удалось реализовать, поскольку в ноябре 1922 г., армяне, вернувшиеся в Константинополь после Геноцида, вновь были вынуждены покинуть его²⁴. Однако эти инициативы свидетельствуют о тех усилиях, которые Текеян прикладывал для того, чтобы донести до западноармянского общества важность признания Советской Армении и сделать понятным историческое значение восстановленной государственности, не воспринимая советизацию Армении как препятствие для духовного единства двух разделенных частей армянского народа.

После 1920 г. в западноармянской публицистике **второй** причиной актуализации вопроса советизации Армении было то, что до середины 1922 г. Россия воспринималась как основная угроза независимости Западной Армении, в отличие от ситуации с Восточной Арменией. То есть западноармянская политическая мысль, несмотря на признание важности присутствия России для спасения русских армян, очерчивала идеологические границы, касающиеся судьбы западных армян. Существовало мнение, что возможный интерес России к Западной Армении является потенциальной угрозой её освобождению, а тем более независимости, и что надежды на это связывались с западными странами. Западноармянский либеральный деятель, журналист и редактор Левон Мкртчян в своей статье «Армения, или Киликия», опубликованной в июне 1922 г. в журнале «Арев», опасения западных армян относительно России обосновывал таким образом: «...предполагалось, что указанное (российское – Г.А.) правительство, помимо присоединения Ереванской Республики, может присоединить и турецкую Армению»²⁵.

Идея удержания России от вмешательства в вопрос западноармянства получила свое концентрированное выражение в номере периодического издания «Жоговорди дзайн-Жаманак» от 18 декабря 1920 года, где А. Терзипашян, ссылаясь на фактор России, ставит под сомнение жизнеспособность концепции Единой и Независимой Армении: «...Русская Армения или Турецкая Армения – это геополитически обособленные образования, границы которых определяются не словами, а международным правом... Герои речи, которые ломают границы красивыми фраза-

²³ Авагян 2018: 33.

²⁴ После захвата всей территории Анатолии, части территории Республики Армения и всей Киликии, а также почти полной победы в греко-турецкой войне, в октябре 1922 г. войска под командованием Кемаля Ататюрка приблизились к Константинополю. Опасаясь новых массовых расправ за поддержку греков в греко-турецкой войне — особенно после трагических событий в городе Смирна — подавляющее большинство армянского населения, вернувшегося в Константинополь после геноцида 1915 г., включая представителей общественно-политической и культурной элиты, вновь и окончательно покинули город и эмигрировали из страны.

²⁵ Мкртчян 1922: 1090, 1.

ми, громоздно провозглашавшие лозунг "единая и неделимая Армения", в конечном итоге разрушили самую реальную возможность создания армянского государства под мандатом согласно статье 22 Устава Лиги Наций и похоронили армянский вопрос в русском хаосе»²⁶.

Таким образом, в западноармянской политической мысли сложился двойственный образ России: для Восточной Армении – спасителя, для западной – разрушителя. Однако спустя некоторое время после начала Лозаннской конференции 1922 г., когда программа независимости западной Армении была сведена к просьбе о признании «Национального дома/армянского очага»²⁷, а западноармянская интеллектуально-политическая элита с разочарованием фиксировала крупнейшую дипломатическую победу кемалистской Турции, отношение к большевистской России претерпевает трансформацию. В частности, газета «Арев» в сентябре 1922 г. уже писала: «Если сегодня существует государство, которое практически и действительно может ходатайствовать перед турками о сохранении остатков армянского народа в Малоазийском регионе – это Советская Москва»²⁸. Более того, «Арев», не желая смириться с фактическим провалом миссии Национальной делегации, тонко начинает направлять её взор в сторону России. Для этого прежде всего необходимо было преодолеть страх перед возможной аннексией западной Армении Россией. Соратник Текеяна, Левон Мкртчян, в своём аналитическом эссе «Армения или Киликия» рассматривает международное признание большевистской России как гарантию защиты «Национального дома» от российской угрозы: «Ни от одного из союзников нечего ожидать в деле нашего вопроса. Его разрешение зависит от доброжелательности России и будет осуществлено, как только Россия будет официально признана Европой и войдёт в Лигу Наций со всем своим составом»²⁹.

Продвигаясь далее в своих размышлениях, автор в другом материале в конечном счёте смиряется даже с идеей возможной аннексии Западной Армении со стороны России. В качестве обоснования он указывает территориальную ограниченность Восточной Армении и, как следствие, необходимость решения жизненно важных вопросов, вытекающих из этого факта для её населения: «...[Россия] знает и убеждена, что Ереванская Республика в своих нынешних границах абсолютно неспособна прокормить не только турецко-армянских беженцев, но даже и коренное население Русской Армении. Следовательно, под давлением неумолимых экономических законов... границы Армении должны, обязаны быть расширены. Этому расширению не могут служить препят-

²⁶ Терзипашян 1920: 677, 1.

²⁷ «Национальный дом» / «Армянский национальный очаг» – дипломатический термин, вошедший в оборот на Лондонской конференции 1921 г., заменив первоначальную цель предоставления независимости Западной Армении. Идея состояла в том, чтобы на территории исторической Западной Армении, для армян, покинувших историческую родину в результате Геноцида, было выделено пространство для компактного проживания. Правовой статус «национального дома» при этом не уточнялся.

²⁸ Мкртчян 1922: 1120, 1.

²⁹ Мкртчян: 1922: 1092, 1.

ствием поспешно подписанные соглашения вроде Брест-Литовского, Александропольского или Карсского договоров, поскольку коммунистически-кемалистская Турция должна признать право армянского трудящегося народа жить на земле своих предков...»³⁰.

Подобная логика, конечно, лишённая реальных оснований, лишь свидетельствует о крайнем отчаянии западноармянской интеллигенции. Тем не менее, сколь бы утопичной ни была эта идея, Текеян, исходя из подобного самоуверения, пытался найти дипломатические пути, способные склонить Советскую Россию к мысли о необходимости аннексии территорий западной Армении. С этой целью по его указанию в Тифлис был направлен рамкаварский деятель Артак Дарбинян, который встретился с председателем Совета народных комиссаров Армянской ССР Александром Мясникяном. Последнему было представлено предложение о присоединении к Советской Армении территорий, обозначенных в Севрском договоре или ожидаемых в рамках Лозаннской конференции как «Армянский дом», при содействии советских властей. Однако Мясникян отверг данное предложение, сославшись на то, что Турция не согласится уступить какую-либо территорию без войны³¹.

На фоне тесного сотрудничества между двумя новыми, непризнанными режимами – коммунистическим и кемалистским – подобное предложение было обречено остаться неосуществлённым. Тем не менее, инициатива Текеяна свидетельствует о его непоколебимой настойчивости в стремлении реализовать заветную мечту о возвращении утраченной родины. Лишь после окончательного разочарования в возможности решить вопрос западноармянства при содействии России, в Константинополе, при активном участии Текеяна, Первый Всеобщий съезд депутатов Рамкавар Либеральной партии принимает решение оказывать безоговорочную политическую поддержку установленному в Армении советскому строю не только в плане пропаганды, но и практически³².

Это была уже окончательно сформированная идеологическая конструкция восприятия Советской Армении в сознании Текеяна, которая впоследствии не подвергалась ревизии. В 1927 г., когда вопрос независимости Западной Армении, как и романтические ожидания передачи «Армянского очага» армянскому народу, окончательно сошли с повестки дня, в публицистике Текеяна образ единственной физической родины окончательно сливается с Советской Арменией: «*Правильна она или ошибочна – это наша Армения, для армянства нет другой Родины. И когда это понимание станет истинным достоянием каждого из нас, мы сумеем исправить все ошибки и недостатки и сделать нашу Родину сильной, безопасной и нерушимой*»³³. Более того, Текеян, исходя из новой реальности и осознав допущенные ранее ошибки в вопросах внешнеполитической ориентации и стратегических расчётах, предпринимает

³⁰ Мкртчян, 1922: 1120, 1.

³¹ Даллакян 2004: 39.

³² Жоговурди дзайн-Жаманак 1922: 922, 1.

³³ Арев 1927: 2467, 1.

попытку чётко очертить рамки будущей международной роли и уровня политического активизма армянской диаспоры. В частности, в контексте обостряющихся с середины 1920-х гг. отношений между Западом и Советским Союзом, рассматривая возможные действия армянства, Текеян предостерегает своих соотечественников, рассеянных по разным странам, от повторного увлечения иллюзорными надеждами и безрассудного вовлечения в конфликты между мировыми державами, предлагая фактически пассивную и нейтральную позицию как наименее опасную стратегию. *«Для народа, находящегося в нашем положении, занимающего наше место и имеющего нашу численность, участие в международных конфликтах – не только роскошь, но и смертельное преступление, а порой даже самоубийство»*, – пишет Текеян в «Ареве» и поясняет, в чём может проявиться это «смертельное преступление»: «Народ Армении находится в составе Советского Союза, и его выживание обусловлено российской ориентацией и верным, доброжелательным союзом с русскими. ...Мы должны держаться подальше от внешней политики стран, в которых мы проживаем»³⁴. Таким образом, постепенно укореняется идеологическая и поведенческая парадигма, согласно которой существование Армении обусловлено зависимостью от России.

Изображённая Текеяном Россия, однако, уже не является прежним рыцарем «моральной выгоды» – он больше не идеализирует её роль. В основе его позиции по вопросу советизации Армении лежит исключительно прагматизм, направленный на обеспечение экзистенциальных интересов Армении и армянского народа. *«...Армения, таким образом, двадцать четыре года назад, приняв общественно-политическое кредо соседних и дружественных ей стран, приняв его отчасти под внешним, отчасти под внутренним давлением, которые сумели стать влиятельными в результате ужасных ошибок ее предыдущего правительства, Армения сделала в тот день лишь мудрый и спасительный шаг...»*³⁵, – пишет он по случаю 24-й годовщины Советской Армении.

Тем не менее, Текеян пытался минимизировать эффект проявлений «красного террора» в Советской Армении 1920–1930-х гг. в резкой полемике с публикациями дашнакской прессы о массовых репрессиях в Армении. Однако целью такой информационно-идеологической политики не было превращение армянской тематики в оружие межпартийной борьбы. Напротив, задача заключалась в предотвращении распространения апатии среди диаспоры в отношении Советской Армении, исключения её отчуждения от этой малой части Родины на основе ассоциативного антагонизма с большевизмом. Именно этим объясняется, что редактируемые им газеты, особенно после 1926 г., в первую очередь «Арев», ежедневно освещали ключевые события в социальной, экономической, образовательной и иных сферах жизни Армении, в основном в формате кратких новостей или корреспонденций. Главными источниками информа-

³⁴ Арев 1927: 2532, 1.

³⁵ Арев 1944: 7889, 1.

ции при этом служила советская армянская пресса и публикации армянских коммунистических изданий, выходивших в диаспоре. На этом уровне Текеян не пытался «надеть розовые очки» на своих читателей.

Партийная принадлежность, несмотря на его статус одного из лидеров Рамкавар Либеральной партии, никогда не была для Текеяна самоцелью. В течение своей политической карьеры он несколько раз, по принципиальным и личным причинам, практически разрывал связи с партией. Эта особенность позволила Текеяну, будучи либералом и носителем национальных ценностей, не заикливаться на тотальной антинародной и антирелигиозной сути советской системы. От мыслителя, глубоко проникнутого национальным духом, это требовало огромной воли – особенно в условиях, когда коммунистическая агитационная машина в диаспоре агрессивно продвигала подрывной нарратив о необходимости уничтожения «национальной буржуазии» как класса во имя мировой социалистической революции, рассматривая Рамкаварскую либеральную партию в качестве выразителя интересов этой самой буржуазии. Он сумел подняться над этим, руководствуясь собственными идеалами Родины и Армении и принципиальной установкой – не наносить ущерба безопасности советских армян. В публикациях Текеяна и редактируемых им изданий, касающихся отношений между Советской Арменией и диаспорой, как правило, не акцентировалось внимание на внутреннем политическом режиме России или на её идеологической доктрине, а рассматривалась прежде всего её геополитическая роль и вытекающая из неё политика³⁶.

Однозначное одобрение советизации Армении Текеяном и её защита как безальтернативного выбора отражают его чёткую иерархию ценностей, в которой сохранение армянской государственности занимает безусловный приоритет. В 1926 г. газета «Арев» писала: «...Когда армяне за границей выражают признательность деятельности советских руководителей Армении, это вовсе не означает, что они разделяют их идеи. Они воспринимают советизацию Армении как средство достижения долгожданной цели – создания для этого народа Родины, защищённой от внешней агрессии и обладающей правом определять собственную судьбу»³⁷.

Текеян рассматривал советизацию Армении в более широком контексте, чем просто спасение Советской Армении. В то время как вся армянская диаспора переживала острый идентификационный кризис, пытаясь найти смысл собственного существования после утраты Западной Армении и утраты суверенитета Советской Армении в составе СССР, Текеян предлагал именно Советскую Армению в качестве опоры для безродной, рассеянной по всему миру армянской нации. Он видел в ней якорь самосохранения, механизм самоорганизации и духовный источник для сохранения национального характера. Тем самым Текеян фактически предлагал диаспоре выход из состояния экзистенциальной

³⁶ Мкртчян 1922: 1108, 1.

³⁷ Албоячян 1927: 2396, 1.

неопределённости, формулируя один из идеологических фундаментов для осмысления её дальнейшего существования. С этой позиции Текеян сформулировал два доктринальных подхода, которые в течение почти 70 лет существования Советской Армении, а затем и после восстановления независимости в 1991 г., во многом определяли характер отношений между Родиной и диаспорой. Во-первых, признание Советской Армении центром национального единства. Во-вторых, принятие концепции «Всё – во имя Родины» как средства реализации первого тезиса.

Во время Второй мировой войны, в августе 1943 г., в редакционной статье газеты «Арев» под названием «Положение Армении», ставшей своеобразной одой беззаветной преданности Текеяна Советской Армении, он, воспользовавшись поводом – организацией благотворительного сбора в армянской общине Египта для нужд Армянской ССР (несмотря на внутренние разногласия и напряжённость), рассматривал финансовую помощь прежде всего как проявление духовного единства: *«...наконец-то, наконец-то начнётся движение материального пожертвования, которое станет единственным возможным доказательством братской любви, веры и солидарности египетских армян к Армении, находящейся в состоянии войны... Речь идёт о том, чтобы это движение имело содержание общенационального единства, отличалось от всех тех сборов, что проводятся для благотворительных, пусть и полезных, но локальных целей, и чтобы оно принесло тот ожидаемый моральный эффект — в первую очередь самим участникам этой кампании, а затем уже народу в самой Родине, который в итоге обретёт от этой помощи прежде всего нравственную, а не материальную поддержку»³⁸.*

Эта идея, в явной или скрытой форме, как красная нить проходит через все публикации Текеяна, касающиеся Восточной, а затем и Советской Армении. Однако после советизации Армении и физической утраты Западной Армении она приобрела более системный и содержательный характер: *«...мы считаем, что нашим первым долгом является всеми возможными способами стремиться к тому, чтобы знать нашу страну, наш народ, его сегодняшнее состояние и тех, кто творит эту действительность — не довольствуясь восхищением или похвалой по соседскому принципу, а по-настоящему хорошо их знать и донести это знание до тех, кто не осведомлён, чтобы связь, соединяющая нас с Родиной, была осознанной и прочной»³⁹,* – писал Текеян. Однако реализация этой концепции становилась возможной не только благодаря преодолению внутренних противоречий, взаимного недоверия между традиционными армянскими национальными партиями и советской властью. В качестве средства преодоления этих барьеров Текеян также предлагал организованную репатриацию из диаспоры в Армению, эту мечту он вынашивал ещё с 1920-х гг., когда занимался проблемами армянских беженцев и сирот. *«...Население Армении очень малочисленно,*

³⁸ Арев 1943: 7497, 1.

³⁹ Там же: 1

даже по отношению к её сегодняшней территории. А значит, тем более недопустимо для нас игнорировать перспективу репатриации части армян, живущих за рубежом»⁴⁰, – подчёркивал Текеян.

Именно эти идеи способствовали тому, что для многих участие в Великой репатриации – процессе, который начал приобретать массовый характер всего через четыре года после смерти Текеяна, стало впоследствии восприниматься как практическое проявление патриотизма.

Подход Текеяна к советизированной Армении как к абсолютной ценности, стремление оказывать ей поддержку всеми возможными средствами, в конечном счёте, стали одной из причин того, что на XXII съезде Коммунистической партии Армении в 1961 г. две национальные партии – Рамкавар-Азатакан и Социал-демократическая гинчакян – были официально признаны «прогрессивными и патриотическими силами». С этого момента двери Советской Армении были открыты перед теми частями диаспоры, которые не были связаны с Дашнакцутюн.

В 1920-х гг. западноармянская политическая мысль сформировала среди широкой диаспоры завышенные ожидания относительно восстановления независимости Западной Армении, при неоднозначной оценке роли Первой Республики Армения. Текеян с начала 1920 года начал переосмысливать возрождение национальной государственности в лице Первой Республики Армения как дорожную карту для решения армянского вопроса. Советизация Армении в его публицистике предстает как неизбежный, закономерный и спасительный процесс для восточных армян, ради которого в тень уходит как ответственность кемалистской Турции, так и – в равной мере – большевистской России за падение независимой Армении и раздел её территорий в 1921 г. До середины 1922 года возможное участие России в решении армянского вопроса воспринималось западноармянской элитой как угроза. Однако разочарование, вызванное девальвацией армянского вопроса со стороны западных держав, подтолкнуло к попыткам компенсировать это, формируя иллюзорные ожидания освобождения Западной Армении посредством Советской России.

В итоге публицистика Текеяна выстраивается на устойчивой прорусской ориентации, где идеологическое неприятие коммунизма и его антинационального характера отходит на второй план.

В 1923–1945 г. Текеян последовательно развивал идею национального духовного единства вокруг Советской Армении, связывая её с будущим возрождением единой и независимой Армении. Символически представляя Армению как центр армянства, он предлагал её в качестве основы сохранения национальной идентичности диаспоры и продвигал концепцию «государство – Родина», «всё – во имя Родины». Эти идеи более чем на 70 лет во многом определили позиционирование диаспоры по отношению к Советскому Союзу и Советской Армении. Публицистика В. Текеяна оказала мощнейшее влияние на мировоззре-

⁴⁰ Арев 1944: 7889, 1.

ние, национальное самосознание и развитие политической мысли армянской диаспоры его времени. Идеи Родины и государственности, физического и духовного освобождения армянского народа, трансформации армянства из культурной нации в нацию, опирающуюся на государственность составляют фундамент его публицистического наследия.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Авагян А. Ваган Текеян: Благородный поэт. Ереван, 2018, с. 61 [Avagyan A. Vagan Tekeyan: Blagorodnyj poet. (Vahan Tekeyan: The Noble Poet) Erevan, 2018, P. 61].
- Акобян Ов. «В дни кризиса армянского дела. Г: наша позиция по отношению к Советской Армении» // Жоговурди дзайн-Жаманак, 1920. № 679, с. 1 [Akobyan Ov. "V dni krizisa armjanskogo dela. G: nasha pozitsiya po otnosheniyu k Sovetskoj Armenii" (In the Days of the Armenian Cause Crisis. G: Our Position Regarding Soviet Armenia) Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 1920. No. 679, P. 1].
- Албоячян А. «1926 год. Национальная теория. В Армении» // Арев, 3 января 1927, № 2396, с. 1 [Alboyachyan A. "1926 god. Nacional'naya teoriya. V Armenii" (The Year 1926. National Theory. In Armenia) / Arev, 1927, No. 2396, P. 1].
- «Армения официально признана независимой» // Жоговурди дзайн, 14 января 1920 г., № 393, с. 1 ["Armeniya ofitsial'no prinyata nezavisimoj" (Armenia Officially Recognized as Independent) / Zhogovurdi dzajn, 1920, No. 393, P. 1].
- «Армянский сбор средств» // Арев, 14 августа 1943, № 7497, с. 1 ["Armyanskij sbor sredstv" (Armenian Fundraising Effort) / Arev, 1943, No. 7497, P. 1].
- Армянский вопрос. Энциклопедия, под ред. К. Худавердяна. Ереван: Айастан, 1996, с. 15 [Armyanskij vopros. Enciklopediya, pod red. K. Khudaverdyana. (The Armenian Question. Encyclopedia, edited by K. Khudaferyan) Erevan: Ayastan, 1996. P. 15].
- «Армения между молотом и лопатой» // Жоговурди дзайн-Жаманак, 4 декабря 1920, № 665, с. 2 ["Armeniya mezhdu molotom i lopatoj" (Armenia Between the Hammer and the Anvil) / Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 1920, No. 665, P. 2].
- «Высшая мудрость» // Чакатамарт, 18 января 1920 г., № 358 ["Vysshaya mudrost'" (The Highest Wisdom) / Chakatamart, 1920, No. 358].
- Даллакян К. «Ваган Текеян: политический и общественный деятель» // Доклады конференции, посвященной 125-летию Вагана Текеяна. Ереван, 2004, с. 35–45 [Dallakyan K. "Vagan Tekeyan: politicheskij i obshchestvennyj deyatel'" // Doklady konferentsii, posvyashchyonnoj 125-letiyu Vaganya Tekeyana. (Vahan Tekeyan: Political and Public Figure // Proc. of the Conference Dedicated to the 125th Anniversary of Vahan Tekeyan). Erevan, 2004. P. 35–45].
- Дшхоян Н. «Они ещё имеют лицо» // Жоговурди дзайн-Жаманак, 14 октября 1921 г., № 928, с. 1 [Dshkhojan N. "Oni eshchyu imeyut lico" (They still have the audacity) / Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 1921, No. 928, P. 1].
- «Держитесь подальше от международного цирка» // Арев, 14 июня 1927, № 2532, с. 1 ["Derzhites' podalshе ot mezhdunarodnogo tsirka" (Stay away from the international circus) // Arev, 1927, No. 2532, P. 1].
- «Карсский договор» // Жоговурди дзайн-Жаманак, 24 октября 1921, №937, с. 2 ["Karskij dogovor" (The Kars Treaty) / Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 24 oktyabrya 1921, № 937, P. 2].
- Мкртчян Л. «Армения или Киликия? Д.» // Арев, 5 июля 1922, № 1092, с. 1 [Mkrтчyan L. "Armeniya ili Kilikiya? D." (Armenia or Cilicia? D) / Arev, 1922, No. 1092, P. 1].
- Мкртчян Л. «Армения или Киликия: Б» // Арев, 30 июня 1922, № 1090, с. 1 [Mkrтчyan L. "Armeniya ili Kilikiya: B" (Armenia or Cilicia? B) / Arev, 1922, No. 1090, P. 1].
- Мкртчян Л. «Наша антироссийская политика. Д» // Арев, 11 августа 1922, № 1108, с. 1 [Mkrтчyan L. "Nasha antirossijskaya politika. D" (Our Anti-Russian Policy: D) / Arev, 1922, No. 1108, P. 1].
- Мкртчян Л. «Роль национальной делегации» // Арев, 8 сентября 1922, № 1120, с. 1 [Mkrтчyan L. "Rol' nacional'noj delegatsii" (The Role of the National Delegation) / Arev, 1922, No. 1120, P. 1].
- Налбандян И. «Признание Армянской Республики» // Арев, 21 января 1920 г., № 724, с. 1 [Nalbandyan I. "Priznanie Armyanskoj Respubliki" (Recognition of the Armenian Republic) / Arev, 1920, No. 724, P. 1].
- «Новый русско-турецкий союз», редакционная статья // Жоговурди дзайн-Жаманак, 17 марта 1921, № 750, с. 2 ["Novyj russko-turetskij soyz", redaktsionnaya stat'ya (The New Russo-Turkish Alliance) / Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 1921, No. 750, P. 2].

- Текеян В. «Национальная делегация и её председатель» // Арев, 30 августа 1918 г., № 513, с. 1 [Tekeyan V. "Nacional'naya delegatsiya i yeyo predsedatel'" (The National Delegation and Its Chairman) / Arev, 1918, No. 513, P. 1].
- Текеян В. «Ереванские переговоры между Национальной делегацией и армянским правительством» // Жоговурди дзайн, 21 декабря 1919 г., № 364, с. 1 [Tekeyan V. "Yevanskie peregovory mezhdu Nacional'noj delegatsiej i armyanskim pravitel'stvom" (The Yerevan Negotiations Between the National Delegation and the Armenian Government) / Zhogovurdi dzajn, 1919, No. 364, P. 1].
- Терзипашян А. «Русскоармянский-турецкоармянский» // Жоговурди дзайн-Жаманак, 18 декабря 1920, № 677, с. 1 [Terzipashyan A. "Russkoarmyanskij-tureckoarmyanskij" (Russo-Armenian-Turkish-Armenian) / Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 1920, No. 677, P. 1].
- «Правильно или нет, наша Родина» // Арев, 28 марта 1927, № 2467, с. 1 ["Pravil'no ili net, nasha Rodina" (Whether right or wrong, but our homeland) / Arev, 1927, No. 2467, P. 1].
- Черепяхов М. С. Проблемы теории публицистики. Москва, 1973, с. 28 [Cherepakhov M.S. Problemy teorii publicistik. (Problems of the Theory of Journalism) Moscow, 1973. P. 28].
- «Чайный стол Рамк. либ. партии в честь поэта г. Ог. Туманяна» // Жоговурди дзайн-Жаманак, 30 октября 1921, № 942, с. 1 ["Chajnyj stol Ramk. lib. partii v chest' poeta g. Og. Tumanyan" (Tea Party of the Ramkavar Liberal Party in Honor of the Poet Mr. Og. Tumanyan) / Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 1921, No. 942, P. 1].
- «О воскресном заседании партии либерал Рамкавар» // Жоговурди дзайн-Жаманак, 21 июня 1922, № 922, с. 1 ["O voskresnom zasedanii partii Svobody Ramkavar" (On the Sunday Meeting of the Ramkavar Liberal Party) / Zhogovurdi dzajn-Zhamanak, 21 iyunya 1922, No. 922, P. 1].
- Осипова Е.А. Публицистика: её сущность и роль в обществе // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 2022, 41(2), 205–213, стр. 206, DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-205-213 [Osipova E.A. Publicistika: yeye sushchnost' i rol' v obshchestve // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki i yazykoznanija, (Publicism: Its Essence and Role in Society // Issues of Journalism, Pedagogy, and Linguistics) 2022, 41(2), 205–213, P. 206, DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-205-213].
- «24-я годовщина Советской Армении» // Арев, 29 ноября 1944, № 7889, с. 1 ["24-ya godovshchina Sovetskoj Armenii" (The 24th Anniversary of Soviet Armenia) / Arev, 29 noyabrya 1944, No. 7889, P. 1].
- Bailey O.G. Diasporic identities and mediated experiences in everyday life // Passagens, 4(2), 2013, 67–93, p. 69.
- Hofmann T. One nation – three subethnic groups. The case of Armenia and her Diaspora. Yerevan, 2011, p. 13.

Гор Марзпетович Абрамян, кандидат филологических наук, доцент, ассистент кафедры печатных и вещательных СМИ факультета журналистики, Ереванский государственный университет; gor.abrahamyan@ysu.am

Issues of Sovietization of the Republic of Armenia and Russian Orientation in the publicism of Vahan Tekeyan 1920-45

The article explores the publicist work of the Western Armenian national figure, writer, and publicist Vahan Tekeyan from 1920 to 1945, within the context of the Sovietization of Armenia and pro-Russian orientation. The article attempts to substantiate that Tekeyan's publicism, dynamically shifting from romanticism towards realism, developed around the ideological axes and dilemmas of preserving national statehood and saving the homeland. It analyzes how Tekeyan evaluates the experience of the First Republic of Armenia amidst complex and contradictory geopolitical developments, and how he perceives the impact of the Sovietization of the First Republic on the political line regarding the liberation of Western Armenia. The article also reveals the evolving perceptions of Russia's image and role within Western Armenian thought and the role played by the Western Armenian liberal-democratic press in shaping this transformation.

Keywords: Vahan Tekeyan, public speaking, Diaspora, Armenian identity, Sovietization of Armenia, Russian orientation, Western Armenian political thought.

Gor Marzpeti Abrahamyan, PhD (Philology), Associate Professor, Assistant at the Department of Print and Broadcasting Media, Faculty of Journalism, Yerevan State University; gor.abrahamyan@ysu.am